

ВСТРЕЧИ ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

И НА АРЕНЕ, И В КИНО

В КОНЦЕ августа 1946 года я шел с Никулиным по Арбату. Разговор не касался. В тот день должны были объявить, кто принят на актерский факультет Государственного института театрального искусства имени А. В. Луначарского. И державший туда экзамен Никулин, естественно, очень волновался. Дойдя до Серебряного переулка, он попрощался и побежал в институт. И там он с горечью убедился: в списке принятых его имени не было. А до этого его не приняли в киноинститут и, кажется, еще в одно театральное учебное заведение...

Почему так получилось? Думаю, что причина здесь была одна: наши театральные и киновузы в первую очередь ищут героев, будущих Чакиных и Ромео, а тут перед экзаменационной комиссией стоял высокий, худой, нескладный парень, с глухим голосом и с недостаточно хорошей дикцией. Да и возраст у него был порядочный — двадцать пять лет: сразу после школы Никулина призвали в армию, и он прошел всю Отечественную войну в кирзовых солдатских сапогах, как говорится, от края до края. Но только вы

падала свободная минута, он смешивал то рассказом, то сценкой, то куплетом.

Так вот, Юрий Никулин поступил в студию разговорных жанров при Московском цирке. И не с горя. Цирк он любил, а клоунов хорошо знал. Дело в том, что его отец Владимир Андреевич, в прошлом актер, теперь писал тексты, репризы, шутки для артистов эстрады и цирка. С детства воспитывал он в сыне любовь к искусству, в том числе к цирковому, серьезное к нему отношение.

В студии оказались хорошие педагоги, прежде всего по мастерству актера, — А. Федорович и М. Местечкин. Студия помещалась в самом цирке, и каждый день можно было учиться тому, как выступают мастера манежа, как они репетируют.

14 марта 1947 года состоялся экзамен,

и на него пригласили Э. Кио, Д. Альперова, В. Жанто, Ю. Дурова и Карандаша. Сразу после экзамена к Никулину подошел Карандаш и пригласил его зайти в свою артистическую комнату. Надо знать Карандаша, его требовательность к исполнителям, особенно молодым, чтобы понимать, что означало это приглашение. Карандаш сказал Никулину: ученик клоуна должен больше нюхать, «пахать носом» манежные опилки, меньше говорить. Решили готовить «Сценку на лошади», используя приемы старинной клоунады. Никулин стал брать уроки конной езды у прославленного Б. Манжелли. Позже, уже на представлении, лошадь испугалась и понесла. В результате у Никулина оказалась сломана ключица и вывихнута нога.

Сама же сцена строилась так: после окончания конного номера инспектор манежа предлагал любому зрителю проехаться три круга, стоя на лошадином крупе. Карандаш вытаскивал из зала Никулина и Шуйдина. Никулин одет в короткий китель, а брюки его заправлены в русские сапоги. В его облике нет ничего франтовского, все самое что ни на есть простецкое. Вроде бы у человека в Москве пересадка, времени до поезда много, вещи он оставил в камере хранения, а сам, в чем был, отправился в цирк. Полап на арену, он вначале смущался, а потом хватал себя за нос и начинал хохотать: ну и происшествие, будет о чём рассказать дома!.. И весь зал хохотал вместе с этим простецким парнем. На Никулина надевали лонжу, предохраняющую от падения, и он взбирался на коня, но едва тот пускался галопом, артист «не мог» на нем усидеть и летел за конем по воздуху, удерживаемый лонжей. Надо было при этом видеть лицо Никулина, всю его фигуру. «Сцена на лошади» была самым смешным номером программы.

Работать с Карандашом было очень интересно, но и очень трудно. Он, как никто, знает законы комического. В 1949 году они расстались: Карандаш увидел, что Никулин и Шуйдин готовы к самостоя-

тельной дороге. Сначала они разыгрывали сценку «Маленький Пьер». Мальчишка расклеивал призывы к забастовке, за них гнались два полицейских (Никулин и Шуйдин). Потом артисты играли сценку «Вопрос»: большой вопросительный знак они ставили, потом снимали и заостряли его при помощи топора. Номер был направлен против бюрократизма. И как все номера той поры, он решался артистами пантомимически. Очень быстро Никулин и Шуйдин выдвинулись в число известных клоунов.

В 1958 году состоялся дебют Никулина в кино, он сыграл роль Пиротехника в не слишком удачной комедии «Девушка с гитарой». А потом, развивая традиции старой кинокомедии, Никулин в ряде картин появлялся в образе Балбеса и поражал удивительной наивностью своего героя, никак не совмещающейся с тем, что Балбес был еще и плутом. Пожалуй, в последний раз он появился в подобном образе, играя дворника в картине «Двенадцать стульев». У Никулина это удивительно дремучий старик, хотя он и живет в большом городе. И эта дремучесть делает роль эксцентрической, в большой мере решаемой цирковыми приемами.

Наряду с этими Никулин играл сложные психологические роли — Клячкина в «Неподдающихся», Кузьму Иорданова в фильме «Когда деревья были большими», Глазычева в ленте «Ко мне, Мухтар!», Горбункова в «Бриллиантовой руке». Каждая из этих ролей — характер, и каждый индивидуален. Вспомните Иорданова — в прошлом хороший слесарь, он бросил работу, спился, обленился, потерял веру в себя, превратился в одного из тех, кто с вожделением ждет одиннадцати часов — открытия винных отделов в магазинах. Но взгляните в его глаза, в то, как неуверены его жесты, и вы поймете: Кузьма находится в состоянии тяжелейшей душевной депрессии. Это как раз тот момент, когда ему необходимо помочь, заставить поверить в себя, и тогда он еще сможет подняться.

В другой сценке к угрюмому бюрократу, начальнику отдела кадров (Шуйдин) является весь светящийся, легкий, чуть-чуть подпрыгивающий посетитель (Никулин). И какую бы справку от него ни потребовал бюрократ, он достает ее из одного из бесчисленных кар-

манов. В конце концов бюрократ не выдерживает... и стреляется. А посетитель все той же походкой уходит из его кабинета.

В третьей сценке Никулин влюблен. Он хочет подарить предмету своей страсти (Т. Никулина) цветы, но рыночный торговец, наглый и полупьяный, запрашивает за них непомерную сумму. И Никулин отдает все свои деньги, потом галстук и, наконец, штаны и, оставшись в трусах, прыгает козлом. И никого этот клоунский прием со штанами не шокирует. Причина тому — талант и мастерство артиста.

Никулин принес на арену вместе с юмором, иногда окрашенным в тона буффонады, также сатирическую, лирическую, более того, даже драматическую тему. И тем самым он утверждает новые принципы клоунады.

Недавно Никулин прислал мне письмо: «Мосфильм на 25 дней раньше начал съемки, а цирк еще не отпускает, так что приходится совмещать. И мне, которому в декабре, увы, бахнет полсотни, не совсем легко...». «Бахнет» Ю. В. Никулину пятьдесят лет 18 декабря 1971 года. И вот он снимается сразу в двух новых фильмах, а в цирке готовит вместе с Шуйдinem новый номер.

Никулин не только думает о новом, он все время создает новое. И в этом счастье и его, артиста, и наше, зрителей.

Юрий ДМИТРИЕВ,
доктор искусствоведения.

□

На снимках: вверху — Юрий Никулин со своим партнером Михаилом Шуйдinem на арене Московского цирка; внизу — кадр из фильма «Бриллиантовая рука».

5
смр. **ИЗВЕСТИЯ**

19.11.71 г. № 275 (16893)